

Элли Ван Хаутен

Эпоха Соло

или

Всё Включено,
Кроме **Любви.**

Эпизод
Шестой
Книга-Сериал

Элли Ван Хаутен

**Эпоха Соло, или Всё Включено,
Кроме Любви. Эпизод Шестой**

«Автор»

2026

Ван Хаутен Э.

Эпоха Соло, или Всё Включено, Кроме Любви. Эпизод Шестой /
Э. Ван Хаутен — «Автор», 2026

Эпоха Соло или Всё включено, Кроме Любви — это книга-сериал. Четыре подруги. Четыре истории. И один большой город. Кейт, Моника, Симона и Шейла встречаются каждый четверг в маленькой кофейне с красной дверью, чтобы обменяться новостями, вином и правдой, которую больше некому сказать. Кейт пишет книгу об эпохе одиночества и боится, что сама станет её главным подтверждением. Моника считает годы вместо цифр в отчётах, ожидая, когда партнёр наконец решится. Симона гордо называет себя королевой соло-максинга, но вечерами разговаривает не с людьми, а с искусственным интеллектом. Шейла верит в любовь сильнее, чем в собственный опыт, и снова обжигается. Каждый эпизод — отдельная история, но все четыре линии переплетаются в один большой сезон о том, каково любить, бояться и оставаться собой в городе, где легче найти доставку в три часа ночи, чем человека, который останется до утра. Книга-сериал, выходящая эпизодами — как жизнь, где каждый четверг что-то меняется. Эпизод Шестой

© Ван Хаутен Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпизод Шестой	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Эпоха Соло, или Всё Включено, Кроме Любви. Эпизод Шестой

Эпизод Шестой

Июнь начинается в Лондоне с того характерного самообмана, который местные жители практикуют ежегодно с упорством, достойным лучшего применения: все дружно решают, что раз календарь говорит «лето», то и вести себя нужно соответственно, надевая сарафаны и сандалии вопреки термометру, который вежливо, но твёрдо настаивает на пятнадцати градусах и порывистом ветре с Темзы. Я лично встречаю первый день месяца в свитере под лёгким платьем — компромисс, который выглядит как модное заявление, а на деле является чистой капитуляцией перед британским климатом.

Таблица «Интервью — эпоха одиночества» неожиданно даёт мне подарок, которого я не просила и к которому не была готова: через знакомую редактора я нахожу пару, Гарольда и Мирей, женатых пятьдесят шесть лет, готовых поговорить о том, что такое любовь, которая не изучала психологию привязанности и не читала ни одной книги по саморазвитию, а просто жила рядом друг с другом полвека с лишним, не особо задумываясь о терминологии.

Я не подозреваю, отправляя им приглашение на интервью, что эта встреча станет не строчкой в моей таблице, а трещиной в чьих то ещё отношениях — просто не моих на этот раз.

I

Четверг. «Красный свет». Марко встречает нас у входа с той настороженной бодростью человека, который две недели подряд подавал нам просекко под тяжёлые разговоры и теперь опасается, что традиция закрепилась навсегда.

— Сегодня без катастроф? — спрашивает он с надеждой, забирая наши куртки, потому что июньское лето, как обычно, не отменяет верхнюю одежду.

— Статистически маловероятно, Марко, но морально мы стараемся, — отвечаю я.

Симона приходит первой, и по её лицу сразу понятно, что сегодняшний вечер станет для меня богатым материалом, хотя я ещё не подозреваю, насколько личным будет этот материал именно для неё.

— У меня к тебе просьба, Кейт, — говорит она, садясь и не тратя времени на предисловия. — Твоё интервью с той пожилой парой.

Можно я пойду с тобой?

— Зачем тебе это?

— Не знаю, — говорит она, и в этом редком для Симоны признании незнания слышится что-то тревожное. — Мне вдруг стало важно увидеть, как это выглядит. Пятьдесят шесть лет. Я не могу представить себе даже пятьдесят шесть недель без желания сбежать хотя бы раз в собственную квартиру и закрыть дверь на замок.

— Ты же перевезла часть вещей к Феликсу, — напоминает Шейла, подходя и слыша конец фразы.

— Переезд зубной щетки и переезд души — разные логистические операции, Шейла. У меня зубная щётка там уже месяц, а внутреннее ощущение, что в любой момент нужен план побега, никуда не делось.

Моника садится последней, с телефоном в руке и выражением лица человека, который только что получил хорошие новости и ещё не решил, доверять им или нет.

— У меня новость, — говорит она. — Хорошая. Настолько хорошая, что я боюсь её произносить вслух, вдруг она испортится от контакта с воздухом.

— Говори уже, — торопит Симона.

— Стартап Оуэна получил первого настоящего клиента. Не инвестора — клиента. Сеть зоомагазинов хочет пилотную партнёрку. Это не значит, что мы разбогатели, это значит, что впервые за два месяца я не лежу ночью, просчитывая сценарий Б из своей таблицы.

— За сценарий Б, надеюсь, окончательно похороненный, — говорит Шейла, поднимая бокал.

— За сценарий Б, который теперь существует только как напоминание о том, что мы пережили сценарий Б и не развалились, — уточняет Моника с той точностью формулировок, которая делает её незаменимой на переговорах и невыносимой в спорах о меню на ужин.

II

Интервью с Гарольдом и Мирей проходит в субботу, в их доме в Хайгейте — небольшом, заставленном книгами и фотографиями настолько плотно, что кажется, будто стены сами держатся на честном слове воспоминаний, а не на строительном растворе.

Симона приходит со мной, формально «в качестве фотографа», хотя её телефон за весь час интервью сделает едва ли пять снимков, потому что большую часть времени она просто сидит и смотрит — не на меня, не на диктофон, а на то, как Гарольд, наливая чай, автоматически, не задумываясь, ставит чашку Мирей на подставку слева от неё, потому что «она левша, и если поставить справа, она обязательно опрокинет», — жест настолько крошечный и настолько привычный, что сам Гарольд, кажется, даже не замечает, что делает его.

— Как вы поняли, что это тот самый человек? — спрашиваю я, включив диктофон, задавая вопрос, который уже задавала пятнадцать раз разным парам и получала пятнадцать разных, но одинаково расплывчатых ответов.

— Я не понял, — говорит Гарольд, пожимая плечами с обезоруживающей простотой. — Мне было двадцать три, я не понимал вообще ничего, включая то, зачем нужен галстук на свадьбу. Я просто знал, что хочу видеть её лицо каждое утро дольше, чем видел вчера. Это не было решением. Это было чем-то вроде голода, только не в животе.

— А вы? — обращаюсь я к Мирей.

— Я решила, что попробую, — говорит она с той честностью, которая свойственна только людям, прожившим достаточно долго, чтобы больше не бояться показаться недостаточно романтической. — Никто не знает заранее, любовь это или просто хорошая привычка, которая однажды станет любовью. Мы не ждали идеального ощущения. Мы просто продолжали быть рядом, даже в дни, когда идеального ощущения не было вовсе, а было раздражение из-за того, что кто-то опять забыл купить молоко.

Симона, до этого молчавшая, вдруг подаёт голос, слегка дрожащий от вопроса, который явно предназначен не для книги, а для неё самой:

— А вы никогда не боялись, что не сможете любить достаточно? Что у вас просто нет... вместимости для этого?

Гарольд смотрит на неё долгим, внимательным взглядом человека, который за пятьдесят шесть лет научился слышать вопрос под вопросом.

— Вместимость, — повторяет он медленно, будто пробуя слово на вкус. — Любовь — не чемодан, дорогая. Она не имеет фиксированного объёма, который заполняется и заканчивается. Она растёт от использования, а не истощается от него. Я боялся ровно противоположного: что моей любви окажется недостаточно для неё, а не что мне не хватит места внутри для любви.

Мирей улыбается и кладёт руку на его ладонь — снова тот же автоматический жест, не требующий раздумий, не поставленный на камеру, просто существующий, потому что существовал уже двадцать тысяч раз до этого дня.

Симона всё интервью держится ровно, задаёт профессиональные, отстранённые вопросы, помогает мне со звуком, — но по дороге домой, в такси, она вдруг говорит очень тихим голосом, будто признаётся в преступлении:

— Кейт, я никогда не клала ничью чашку с той стороны, с которой удобно другому человеку. Мне это просто не приходило в голову.

Ни разу за три месяца с Феликсом.

— Это не преступление, Симона, это просто...

— Это симптом, — обрывает она меня. — Это симптом того, что я строю отношения как проект с чёткими границами, а не как жизнь, в которой чужие привычки становятся частью моих собственных рефлексов настолько, что я даже не замечаю, когда это происходит.

Я не нахожу, что ответить, и остаток пути мы едем в молчании, за окном такси проплывает нетипично солнечный для июня Лондон, а Симона смотрит в окно с выражением человека, который только что увидел собственное будущее и не уверена, хочет ли она в нём жить.

III

История Шейлы разворачивается в этом эпизоде на удивление гладко — настолько гладко, что сама Шейла в четверг признаётся нам за столом, что это пугает её больше, чем любая драма предыдущих месяцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.